

УДК 902(5)

ББК 63.48(253.7)+63.48(54)

Региональная элита кочевников Южной Сибири и сопредельных территорий Центральной Азии эпохи поздней древности по письменным и археологическим источникам*

П.К. Дашковский, И.А. Мейкшан

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Regional Elite of Nomads of Southern Siberia and Central Asia in the Epoch of the Late Antiquity on the Basis of Written and Archaeological Sources

P.K. Dashkovskiy, I.A. Meykshan

Altai State University (Barnaul, Russia)

Рассматривается возможность выделения в социально-политической организации кочевых обществ Южной Сибири и сопредельных районов Центральной Азии эпохи поздней древности региональной элиты. Основой исследования послужили китайские письменные источники по истории хунну и археологические материалы, полученные авторами в процессе изучения памятников пазырыкской культуры (VI–III вв. до н. э.) на Алтае. В качестве маркирующих признаков региональной элиты кочевников следует обозначить «престижные вещи»: предметы импорта (шелк, китайские деревянные лаковые изделия), элементы костюмного комплекса (головные уборы, гривны, украшения). Несмотря на то, что состав и ценность инвентаря из погребальных объектов региональной элиты значительно уступает в масштабности «царским» курганам, они качественно выделяются среди остальной совокупности погребения кочевников. Использование в научном обороте категории «региональная элита» позволяет значительно расширить проблематику изучения общественной структуры номадов, рассмотрев специфику устройства и функционирования кочевой политики, а также взаимоотношения центра и периферийных регионов политических формирований кочевников Южной Сибири и Центральной Азии эпохи поздней древности.

Ключевые слова: региональная элита, кочевые общества, письменные источники, престижные вещи, Сибирь, Центральная Азия.

DOI 10.14258/izvasu(2015)3.2-08

The article considers the possibility to define regional elite in the socio-political organization of the nomadic societies of South Siberia and Central Asia in the late antiquity. The research is based on the Chinese written sources on the history of the Xiongnu and archaeological materials obtained by the authors during the research of the monuments of the Pazyryk culture (VI–III centuries BC.) in Altai. The signs which marked the regional elite of nomads could be “prestigious things”: import goods (silk, Chinese lacquerware), elements of the costume (head-dresses, torcs, adornments). Despite the fact that the composition and value of the grave objects of the burials of the regional elite is much inferior to “royal” mounds, however, they qualitatively stand out from other burials of nomads. The introduction of the category of regional elites into scientific use can significantly extend the study of the problem of the social structure of nomads, consider the specifics of the organization and functioning of a nomadic polity, as well as the relationship between central and peripheral regions of the political units of the nomads of South Siberia and Central Asia in the epoch of late antiquity.

Key words: regional elite, nomadic societies, written sources, prestigious things, Siberia, Central Asia.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-31-01201, «Погребально-поминальная обрядность кочевников Западного Алтая и Восточного Казахстана как источник для реконструкции этногенетических и социальных процессов в контексте культурно-исторической ситуации в Саяно-Алтайской горной провинции в древности и раннем Средневековье»).

Исследование социально-политической организации кочевых обществ Евразии — одно из актуальных направлений современной номиналогии. В вопросе изучения специфики кратических отношений в кочевом обществе важную роль играет рассмотрение механизмов управления политическими формированиями кочевников, существующих на региональных уровнях. Любая политическая система включает в себя механизмы трансляции власти в социуме, обеспечивающие ей возможности реализации власти.

Термин «региональная элита» вошел в научный категориальный аппарат сравнительно недавно [1, с. 166]. Появление данной социальной группы требует наличия определенных условий. Во-первых, формирование региональных управленческих структур в составе более крупного политического объединения, имеющего систему центрального управления. Во-вторых, региональная элита обладает относительной свободой в рамках собственных территориальных границ, что отличает ее от института номенклатуры [2, с. 31–32].

При структурном анализе региональной элиты можно использовать несколько подходов. Н.С. Слепцов, И.В. Куколев, Т.М. Рыскова предлагают социологическую методологию в исследовании региональной элиты, что позволяет анализировать ее с точки зрения социально-профессионального происхождения [3]. Другой подход предполагает применение географического принципа в определении структуры региональной элиты по ее территориальному происхождению. Например, изучается соотношение автохтонных (местных) и «пришлых» административных единиц. При этом определяются устойчивые группы элиты, происходящие с одной территории внутри региона.

Этнический подход определяет этническую структуру региональной элиты и ее соответствие этнической структуре населения. Вопрос распределения власти и ключевых политических позиций между представителями этнических и субэтнических групп является особенно актуальным в национальных автономиях [3]. При сравнительно большом многообразии представителей региональной элиты исследователи затрудняются дать конкретные характеристики и отличительные признаки данной группы. Следует отметить, что нередко в каждом конкретном регионе можно говорить о своих особенностях формирования структуры власти с учетом влияния этнического, экономического и других факторов. В связи с этим набор маркеров, определяющих именно региональную элиту, значительно расширяется [2]. Несмотря на это, важнейшим признаком элиты, в том числе и региональной, будет являться обладание властью.

Изучение проблемы выделения региональной элиты у кочевников Южной Сибири, Западного Забайкалья и Северной Монголии эпохи поздней древности проводится на основе комплексного анализа

археологических и письменных источников. В круг археологических источников включены, во-первых, результаты исследования элитных памятников пазырыкской и хуннской культур различными учеными. Во-вторых, важной источниковой основой для выделения региональной элиты являются результаты самостоятельных исследований авторов статьи курганов пазырыкской культуры Западного Алтая. Именно обнаружение ряда погребений людей с высоким социальным статусом на некрополях Ханкаринский дол и Чинета-II дало основание для выделения региональной элиты у кочевников скифской эпохи. Изучение региональной элиты у другого народа — хунну проводилось, с одной стороны, также с опорой на археологические материалы. С другой стороны, дальнейшее проблемно-хронологическое рассмотрение обозначенной тематики дало основание для привлечения китайских письменных источников, освещающих особенности социальных отношений, в том числе и наличие элиты, в империи хунну.

При изучении региональной элиты носителей пазырыкской культуры следует отметить вопрос институализации власти в структуре пазырыкского общества. Территориальный ареал распространения памятников данной культуры дает основания полагать наличие обширной политики кочевников, имеющих как центр, возглавляемый политической элитой, так и периферию, с присущей ей системой реализации власти. При отсутствии письменных свидетельств в вопросе изучения социальной структуры древних обществ привлекаются материалы археологических памятников.

«Царские» погребальные объекты, принадлежащие представителям верховной власти, достаточно легко верифицируются исходя из масштабности и богатства сопроводительного инвентаря. Однако в отношении изучения региональных структур власти можно отметить отсутствие подобных четко прослеживающихся маркеров, что делает затруднительным выделение погребальных памятников, принадлежащих представителям «региональной» элиты. К числу маркирующих признаков региональной элиты следует отнести «престижные» вещи, имеющие наибольшую ценность в обществе кочевников [4, с. 118]. Как уже отмечалось, важной функцией элиты в кочевом обществе было формирование определенной «кочевой моды» [5, с. 241], что в свою очередь проявлялось в стремлении представителей местной власти подражать политическим лидерам в обладании наиболее «статусными» предметами. Для пазырыкской культуры к их числу можно отнести лаковые изделия, обязательное сопроводительное погребение лошади, наличие набора предметов вооружения, предметы костюмного комплекса — украшения, гривны и головные уборы.

В территориальном аспекте «царские» памятники пазырыкской культуры располагаются в Центральном

и Юго-Восточном Алтае, определяя собой сакральный центр политического формирования «пазырыкцев». Однако территориальный охват данной политики был гораздо большим, включая в свою структуру обширные предгорные и горные районы Алтая и прилегающей территории Монголии. Северо-Западный Алтай — один из ареалов распространения пазырыкской культуры. При этом здесь почти нет масштабных «царских» курганов пазырыкской культуры, за исключением одного объекта в долине р. Сентелек, который не раскопан [6]. В этой связи вполне закономерен вопрос об особенностях социально-политического функционирования объединения «пазырыкцев» в данном районе. Ответ на данный вопрос связан как раз с возможностью выделения региональной элиты «пазырыкцев» на основе анализа археологического материала. В данном случае уместно обратиться к результатам исследования экспедиций Алтайского государственного университета под руководством П.К. Дашковского более 40 курганов пазырыкской культуры на могильниках Ханкаринский дол, Чинета-II и Инской дол [7–9]. Полученные результаты и служат фактическим основанием выделения региональной элиты у «пазырыкцев» Западного Алтая. Для обоснования этого положения необходимо обратиться к отдельным результатам анализа материалов могильника пазырыкской культуры Ханкаринский дол, в пределах которого раскопано 22 объекта. Исследованные объекты можно разделить на два типа — погребальный (курганы 1–13, 15–19, 21–23) и ритуальный (курган 20). По периметру пятнадцати курганов (№ 3–6, 7–9, 11, 12, 15–17, 19, 22, 23) выявлены каменные кольцевые выкладки из более крупных камней. В трех объектах такие выкладки прослежены частично (№ 10, 18, 21), а в остальных случаях данный элемент отсутствовал. Диаметр сооружений составлял от 5 до 14,25 м, высота — от 0,1 до 1 м. При этом объекты западной цепочки (№ 1–3) в среднем имели меньший диаметр, но большую высоту по сравнению с остальными объектами (№ 4–6, 7–19, 21–23) восточной группы. Внутримогильные конструкции атрибутировать достаточно сложно, поскольку дерево в погребениях сохраняется плохо. На дне могилы в кургане 3 зафиксирована колода. В двух погребениях обнаружены заплечики, на которых в одном случае располагались остатки деревянного перекрытия (№ 1), а в другом — каменные плиты (№ 23). Наиболее распространенной внутримогильной конструкцией являлась деревянная рама с перекрытием, останки которой выявлены в одиннадцати объектах (№ 4, 6, 7, 9, 11, 12, 15, 16, 19, 21, 22). В кургане 8 по дну могилы прослежен древесный тлен. В объектах 10, 13 внутримогильные стенки были обложены камнями и перекрыты сверху настилом. В остальных случаях (№ 2, 5, 17, 18) дополнительных конструктивных элементов в могилах не обнаружено.

Важной чертой погребального обряда рассматриваемого комплекса являются сопроводительные захоронения лошадей, обнаруженные в 13 курганах (№ 4–12, 15, 17, 19, 22) восточной группы некрополя. В западной микрогруппе объектов (№ 1–3) такой признак не зафиксирован. Погребальный инвентарь из рассмотренных захоронений характеризуется достаточно традиционным набором вещей, типичных для памятников пазырыкской культуры Алтая: бронзовые миниатюрные зеркала, ножи, кинжалы, чеканы, костяной наконечник стрелы, керамические сосуды, железные ножи, удила, заколки с шаровидными навершиями, покрытыми золотой фольгой, головные уборы с нашитыми аппликациями из золотой фольги, золотые и бронзовые восьмеркообразные серьги.

Особый интерес представляет обнаружение головных уборов в курганах 5 и 15 могильника Ханкаринский дол. При этом в кургане 15 обнаружен уникальный женский головной убор, результаты изучения которого освещены в отдельных публикациях [9; 10, с. 131–136]. Такие находки единичны в степях Евразии в скифский период и встречаются только в элитных захоронениях [11–13]. При этом головные уборы, являясь частью костюмного комплекса кочевников, выступали не только важным социальным маркером, но и выполняли мировоззренческую функцию, поскольку отражали представления о модели мироздания. Обильное использование золота в оформлении головных уборов и одежды кочевников связано с особым сакральным и социальным статусом данного металла. В этой связи не случайно в Центральной Азии уже выявлена целая группа погребений «золотых людей» [14].

Важно обратить внимание и на значительное количество деревянных, железных и бронзовых гривен, обложенных золотой фольгой. В курганах могильника Ханкаринский дол обнаружено шесть таких предметов. В настоящее время гривен в курганах скифского времени Горного Алтая известно около 60 экземпляров, в том числе 20 металлических [15, с. 90; 16]. Если учесть, что в горных районах Алтая раскопано более 600 погребений пазырыкской культуры, то в количественном отношении захоронения, где выявлены гривны, составляют меньше 10%. Металлические гривны встречаются всего примерно в 3% погребений кочевников. В то же время в погребениях могильника Ханкаринский дол доля захоронений гривен составляет 28%. Высокий процент обнаружения погребений с металлическими гривнами (19%). Такая особенность, в совокупности с другими показателями погребального обряда (топографическое и планиграфическое расположение могильника в пределах Чинетинского микрорайона, высокий процент сопроводительных захоронений лошадей, находки головных уборов и др.), свидетельствует о том, что погребенные в данных курганах

нах кочевники занимали достаточно высокое социальное положение в долинах р. Ини по отношению к остальному населению этой территории, что дает основание определить их как региональную элиту в структуре пазырыкского общества.

В непосредственной близости к памятнику Ханкаринский дол в пределах одной речной долины располагается разновременной курганный могильник Чинета-II, который исследуется П.К. Дашковским с 2002 г. В пределах некрополя Чинета-II изучено 12 объектов скифского периода (курганы 16, 19, 21–24, 26–31), в том числе пазырыкской культуры [17, 18]. Полученные результаты также можно использовать в качестве демонстрации наличия региональной элиты. Из всей совокупности раскопанных курганов на данном могильнике разительно по размерам и характеру сопроводительного инвентаря выделяются два кургана — 21 и 31. Так, курган 21 наиболее крупный из раскопанных в настоящее время объектов пазырыкской культуры не только в пределах изучаемого микрорайона, но и всего Северо-Западного Алтая [8]. Диаметр каменной насыпи объекта, по периметру которой сооружена мощная крепида из камней, 17,5 м, высота до 0,6 м. При этом диаметр насыпи основной массы курганов скифского времени на могильнике Чинета-II — 6–8 м. Могильная яма в кургане 21 также имела значительные размеры, которые отчасти еще увеличились из-за разграбления погребения в древности — 4,9×3,1×2,82 м. В могиле, вероятно, была сооружена деревянная рама с настилом по дну, на котором находилась умершая женщина в возрасте около 35 лет, ориентированная головой на восток. Вдоль западной стенки могилы выявлено не потревоженное грабителями сопроводительное захоронение лошади со снаряжением, включающим в себя железные двухзвенные кольчатые удила, костяные пронизки и подпружную пряжку. В погребении также найден развал керамического сосуда, уникальная золотая серьга с тремя подвесками, украшенная техникой зерн, и остатки деревянной лаковой чашечки.

Показательным также является еще один курган 31 могильника Чинета-II [18]. Этот курган имел немного меньший диаметр каменной насыпи — 15 м, но зато в высоту достигал почти одного метра. Насыпь объекта сооружена преимущественно из средних и больших камней в 2–4 слоя. При этом камни были уложены достаточно плотно, образуя целостность насыпи. По периметру кургана выявлены более крупные камни, чем в насыпи, образующие каменную кольцевую выкладку — крепиду. Под насыпью кургана в центральной ее части зафиксирована могильная яма, которая ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВ и имела следующие размеры от уровня древнего горизонта: 3,3×2,5×3,1 м. Вся могила до самого погребения была забутована камнями. На глубине 2,55–2,8 м вдоль северной стенки могильной ямы

обнаружено сопроводительное захоронение лошади, уложенной на живот и ориентированной головой на восток. Из сопроводительного инвентаря у лошади выявлена костяная подпружная пряжка, железные кольчатые удила, золотая круглая налобная бляха из фольги. В могиле, вероятно, была сооружена деревянная рама, внутри которой выявлен очень плохой сохранности скелет человека. Судя по отдельным сохранившимся *in situ* костям скелета, умерший был уложен в скорченном положении на правый бок и ориентирован головой на восток. Из сопроводительного инвентаря выявлены фрагменты золотой фольги, вероятно, от аппликаций, развал керамического сосуда, железный нож, а также фрагменты двух деревянных лаковых чашечек китайского происхождения.

Проведенные П.К. Дашковским и научным сотрудником Государственного Эрмитажа О.Н. Новиковой исследования лакокрасочных покрытий из курганов 21 и 31 могильника Чинета-II показали, что все они выполнены с использованием традиционных китайских материалов (ци-лак, киноварь, каолин, альбит) с соблюдением традиционной для ци-лака технологии. Сопоставление результатов анализов лаков и красок из курганов пазырыкской культуры некрополя Чинета-II с лакокрасочными покрытиями, взятыми из курганов 2–5 могильника Пазырык, показало значительную степень соответствия. Высокая цена импортных лаковых изделий указывает на значительный социальный статус погребенных, похороненных в курганах 21 и 31 могильника Чинета-II. Несмотря на то, что по своим размерам указанные курганы уступают «царским» объектам некрополей Пазырык, Тукта, Башадар, Берель, тем не менее, они значительно превосходят остальные сооружения не только на могильнике Чинета-II, но и на других раскопанных памятниках Западного Алтая. Таким образом, параметры курганов 21 и 31 могильника Чинета-II (насыпь, могильная яма), находки уникальных ювелирных изделий и особенно импортных китайских деревянных чашечек, покрытых красным лаком, позволяет рассматривать данные объекты как погребения лиц с высоким социальным статусом, т. е. непосредственно представителей региональной элиты, в руках которых и сосредотачивались все основные формы власти для обеспечения функционирования и управления части пазырыкского общества данного региона.

Следует отметить, что институт региональной элиты сохранялся у кочевников Южной Сибири и Центральной Азии и в последующий — гунно-сарматский период (II в. до н. э. — V в. н. э.). В этом отношении показательным является социальная организация общества хунну, проживавших в обозначенный период в Западном Забайкалье и Сверенной Монголии. Для изучения региональной элиты хунну имеется возможность широкого привлечения письменных источников, что позволяет относительно полно воспроиз-

вести политическую и административную систему номадов, которая достаточно хорошо отражена в китайских письменных источниках [19, 20]. Огромный территориальный охват хуннуской державы определяет возникновение широкого слоя «среднего звена», который можно обозначить как «региональную элиту». Кочевая империя предполагает наличие развитых социальных отношений, административного устройства, разработанной системы соподчинения, основными механизмами которой являлись престижная экономика и редистрибутивные связи [21, с. 73–74].

В китайских письменных источниках приводится достаточно обширный перечень административных должностей, существовавших в хуннуской империи [19, с. 40; 22, с. 329–330]. Вожди племен и этноплеменных объединений, обозначаемые в китайских источниках общим термином «князь» (ван), обладали достаточной автономностью в границах вверенных им владений. Каждый из них имел в своем подчинении определенное количество кочевников и скота, при этом их положение на иерархической лестнице определялось числом подвластных им людей [21, с. 151]. Письменные источники упоминают о 24 старейшинах, каждый из которых «для исправления дел, поставляет к себе тысячников, сотников, десятников. Низшие князья поставляет у себя Ду-юй, Данху и Цзюйкюев» [23, с. 49]. Данную категорию лиц следует отличать от высшей элиты. Однако эта категория лиц обладает властными полномочиями, на основании чего их можно определить как региональную элиту в рамках определенного административного округа.

Нужно также обратить внимание на проявление «двойной элиты» в социальной структуре хунну. Подобная форма общественных отношений возникает тогда, когда небольшой этнос захватывает большие территории с преобладающим числом подчиненного населения. В таком случае, с одной стороны, внутри нового политического объединения существует высшая элита из числа завоевателей, а с другой — формируется или поддерживается элита в автохтонной массе населения [24, с. 53]. Данная практика использовалась кочевниками в отношении завоеванных племен лоуфань и байян, которые, войдя в состав хуннуской империи, сохранили своих традиционных вождей [19, с. 39, 51, 72]. Однако вследствие опасения того, что при благоприятной ситуации покоренные племена могут изменить имперскому правительству, хуннуские шаньюи предпочитали, по возможности, ставить во главе подчиненных народов своих наместников, связывали их узами династических браков или заставляли местных правителей присылать своих детей в качестве заложников в ставку шаньюя [21, с. 158].

Следует отметить, что на основании письменных источников не представляется возможным выделение и рассмотрение групп региональной элиты оседло-

го населения в структуре империи кочевников, однако их существование можно предполагать вследствие широкого распространения и необходимости земледелия и ремесленного производства для жизнеобеспечения государства. Неслучайно А.В. Давыдова отмечала, что «развитие земледелия было важной частью экономической базы древнего государства сюнну» [25, с. 56]. Принимая во внимание данное положение, можно предположить наличие группы людей, занимающих лидирующее положение среди оседлого населения, а также имеющих возможность аккумулировать продукты производства. Следует отдельно разобрать контингент лиц, формирующих оседлое население хуннуской империи. Большую часть данной категории составляет китайское население, захваченное в процессе военных походов кочевников. Несомненно, что, сменив место пребывания, китайцы вряд ли изменили свою земледельческую культуру. Кроме зависимого населения к оседлости были вынуждены переходить обедневшие слои кочевников. Однако явление седентеризации чаще являлось не причиной стратификации, а следствием кризиса номадизма [26, с. 167].

Китайские письменные источники не содержат информации относительно структуры и управления оседлыми поселениями у сюнну. Вследствие этого невозможно восстановить весь аппарат урегулирования процесса производства. Однако, учитывая его важность для экономики кочевой империи, можно предположить, что управление оседлыми поселениями происходило на самых высоких уровнях власти. Тем не менее подробная классификация должностной иерархии кочевников, приведенная Н.Н. Крадиным, не предусматривает наличие такого рода инстанции [26, с. 143–167]. В связи с этим следует отметить, что по социально-экономическому и юридическому положению большинство военнопленных не являлись рабами. Их статус был близок к отношению данничества. При этом данничество является формой внешней, а не внутренней эксплуатации. В таком случае политический статус оседлого населения хуннуской империи можно рассматривать как статус зависимого племени, имеющего свою форму общественной организации, администрации и управления.

Кроме того, стационарное положение поселений в структуре мобильного образа жизни кочевников предполагает наличие автономности существования данных образований. В таком варианте статус данничества вполне подходит к определению подобной формы общественных отношений. В данном случае наблюдается возникновение социально-политических отношений «двойной элиты», проявляющееся в процессе взаимодействия собственно «земледельческой» элиты и элиты хуннуского общества.

В то же время управление оседлыми поселениями возможно рассматривать в рамках уже существующих

административных единиц. При этом земледельческие образования попадали в юрисдикцию тех округов, на территории которых они располагались. В таком случае не представляется возможным выделение «земледельческой» элиты, так как в подобной ситуации руководство поселениями возлагалось на кочевых князей, составляющих субэлиту общества.

На материалах археологических памятников хунну региональная элита кочевого общества фиксируется достаточно отчетливо. К ним можно соотнести могилы с дромосом, а также курганы с округлой насыпью, имеющие погребальной конструкцией гроб в сруб [27, с. 84–85; 28, с. 39; 29]. К их числу можно отнести курган 45 Ильмовой пади. Памятник 46 указанного могильника, несмотря на сильную ограбленность, предположительно имел богатый инвентарь. В его составе были выявлены остатки китайской лаковой чашечки, короткий железный меч, остатки пояса. В погребении 52 были обнаружены предметы импорта: шелк, лаковые изделия [29, с. 33–38, 55–58]. Погребальный инвентарь в кургане 58 также отличается наличием импорта, предметов вооружения. Сохранившиеся фрагменты боковых стенок гроба имеют следы росписи красной и черной краской. Данные памятники в границах одного могильника демонстрируют резкий контраст с погребениями, имеющими в своей конструкции только гроб, или представленные без него, например курган 57 [29, с. 70–74].

В социальной планиграфии Дэрестуйского могильника выделяются обособленные группы, включающие в себя курганы, грунтовые захоронения без внешних признаков, погребения жертвенных животных, ямы различного назначения. В каждой группе имеется отчетливая тенденция к расположению захоронений комплексами, различными по своей структуре. Композиционным центром каждого

комплекса является курган с каменной насыпью. Вокруг него располагаются остальные захоронения, как правило, не имеющие внешних признаков, более простые по конструкции и бедные по инвентарю [30, с. 115–116]. Данные комплексы возможно рассматривать как родовой некрополь группы населения, занимающей среднее положение в социальной иерархии и соотносимой с категорией региональной элиты покоренных территорий [31, с. 60].

Изучение археологических и письменных источников по социальной истории пазырыкского и хуннского обществ Южной Сибири и Центральной Азии дало возможность обозначить в социальной структуре номадов поздней древности дефиницию региональной элиты. В методическом аспекте выделение данной социальной группы требует применения комплексного подхода, учитывающего как специфику функционирования кочевого общества, так и системный анализ письменных и археологических данных. В качестве маркирующих признаков региональной элиты, кроме параметров погребальных объектов, следует особо обозначить «престижные вещи», имеющие распространение в той или иной культурной среде. К ним следует отнести предметы импорта (шелк, китайские лаковые изделия), элементы костюмного комплекса (головные уборы, гривны, украшения). Несмотря на то, что состав и ценность погребального инвентаря данных объектов значительно уступают в масштабности «царским» курганам, тем не менее они качественно выделяются среди региональных групп памятников. Применение данной социальной категории позволяет значительно расширить проблематику изучения общественной структуры номадов, учесть специфику устройства и функционирования кочевой политики, а также взаимоотношения центра и периферийных регионов политических формирований кочевников.

Библиографический список

1. Кондратович И.В. Региональная элита и проблемы ее формирования // Экономические науки. — 2010. — № 4 (65).
2. Понеделков А.В., Старостин А.М. Региональные элиты: тенденции и перспективы развития. — Ростов н/Д, 2000.
3. Слепцов Н.С., Куколев И.В., Рыскова Т.М. Лидеры российских регионов: испытание плебисцитом // Социологические исследования. — 1998. — № 7.
4. Харинский А.В. Престижные вещи в погребениях Байкальского побережья конца I тыс. до н. э. — нач. II тыс. н. э. как показатель региональных культурно-политических процессов // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии : сборник статей. — Барнаул, 2004.
5. Дашковский П.К. Формирование элиты кочевников Горного Алтая в скифскую эпоху // Социогенез в Северной Азии : сборник научных трудов. — Иркутск, 2005.
6. Шульга П.И. Погребально-поминальный комплекс скифского времени на р. Сентелек // Святые места: археология ритуала и вопросы семантики. — СПб., 2000.
7. Дашковский П.К. Предварительные итоги исследования курганов скифского времени на могильнике Ханкаринский дол (Алтай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы Международной конф. — Иркутск, 2011.

8. Дашковский П.К. Погребальные памятники кочевников скифо-сакского периода в Северо-Западном Алтае // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана : материалы Международной конф. — Астана 2014.
9. Dashkovskiy P.K., Usova I.A. Pazyryk Burial at Khan-karinsky dol in the Northwestern Altai // Archaeology, Ethnology and Antropology of Eurazia. — 2011. — №3 (47).
10. Дашковский П.К., Карымова С.М. Вещь в традиционной культуре народов Центральной Азии: философско-культурологическое исследование. — Барнаул, 2012.
11. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. — Алма-Ата, 1984.
12. Алтынбеков К. Возрожденная из пепла. Реконструкция по материалам погребения жрицы из комплекса Таксай I. — Алматы, 2013.
13. Полосьмак Н.В. Всадники Уюка. — Новосибирск, 2001.
14. Чугунов К.В. Захоронения «золотых людей» в традиции номадов Евразии (новые материалы и некоторые аспекты исследования) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана : материалы Международной конф. — Астана, 2014.
15. Степанова Н.Ф. Гривны из погребений скифского времени Горного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. — № 7. — Горно-Алтайск, 2001.
16. Кубарев В.Д. Диадемы и гривны из курганов Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2005. — № 1 (21).
17. Дашковский П.К. Исследование курганов на могильнике Чинета-II // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : материалы конференции. — Вып. XVIII–XIX. — Барнаул, 2013.
18. Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Изучение кургана скифо-сакского периода на могильнике Чинета-II // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. — Барнаул, 2015.
19. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / введ., пер. и прим. В.С. Таскина. — Вып. 1. — М., 1968.
20. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / введ., пер. и прим. В.С. Таскина. — Вып. 2. — М., 1973.
21. Крадин Н.Н. Империя хунну. — 2-е изд. — М., 2002.
22. Сыма Цянь. Исторические записки / пер. Р.В. Вяткина. — М., 2002. — Т. 8.
23. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена : в 4 т. — М. ; Л., 1950.
24. Тишкин А.А. Элиты в древних и средневековых обществах скотоводов Евразии: перспективы изучения данного явления на основе археологического материала // Монгольская империя и кочевой мир. — Улан-Удэ, 2005. — Кн. 2.
25. Давыдова А.В. О классификации и хронологии памятников сюнну // Проблемы археологии. — Вып. 2. — Л., 1978.
26. Крадин Н.Н. Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. — 2001. — № 5.
27. Данилов С.В. Ильмовая падь — некрополь хунну // Палеоэкология человека Байкальской Азии. — Улан-Удэ, 1999.
28. Доржсурен Ц. Раскопки могил в горах Ноин-Ула // Монгольский археологический сборник. — М., 1962.
29. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). — Улан-Удэ, 1976.
30. Миняев С.С. «Социальная планиграфия» погребальных памятников сюнну // Проблемы археологии скифо-сибирского мира. — Кемерово, 1989.
31. Мейкшан И.А. К проблеме выделения элиты хунну Центральной Азии (по материалам письменных источников) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. — Вып. 7. — Горно-Алтайск, 2008.